

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИИ

Е. Н. Князева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Ecological Philosophy: World View Dimensions of the Modern Ecology

E. N. Knyazeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

В статье раскрывается философский смысл некоторых представлений современной экологии и обосновывается возможность применения расширенного экологического подхода в научных исследованиях, управленческой и образовательной деятельности. Показывается эвристичность понятия экософии, введенного в научный оборот французским философом Ф. Гваттари. Обосновывается, что экология сегодня не ограничивается идеей сосуществования и коэволюции человека и природы, но понимается как экология разума, познания, действия, коммуникации, управления, образования. Подобное расширенное понимание экологии развивает в своих научных трудах С.Н. Глазачев, юбилей которого отмечается в 2019 году.

Ключевые слова: экология, расширенный экологический подход, экологическое мышление, экологическая философия, эволюционный холизм, междисциплинарность.

The philosophical meaning of some ideas of the modern ecology is revealed in the article, and the possibility of applying an extended ecological approach in scientific research, management and educational activities is substantiated. The heuristic character of the concept of ecosophy, introduced into scientific circulation by the French philosopher Felix Guattari, is shown. It is argued that ecology today is not limited to the idea of coexistence and co-evolution of man and nature, but might be understood as an ecology of mind, of knowledge, of action, of communication, of management, and of education. Such a broad understanding of ecology develops in his scientific works Stanislav N. Glazachev, whose anniversary is celebrated in 2019.

Keywords: ecology, extended ecological approach, ecological thinking, ecological philosophy, evolutionary holism, interdisciplinarity.

Идеи эволюции и экологии: тенденция к универсализации

Расширенное понимание экологии непосредственно связано с существенным расширением и универсализацией понятия эволюции, выражающейся в современной концепции универсального или глобального эволюционизма. Содержание понятия «эволюция», которое ранее рассматривалось как приложимое главным образом к живой природе, становится более богатым. Понятие «эволюция» включает в себя все те смыслы, которые наполняли понятие «развитие», посредством которого осмысливалось индивидуальное развитие человека и развитие человечества, и к нему добавляются новые смыслы, появляющиеся благодаря системно теоретическому видению. Быстрое развитие (прогресс) и периоды возврата и стагнации, развертывание возможностей и их свертывание, непрерывность хода истории и скачки — все это покрывается расширенным понятием «эволюция». Второе основание для расширения заключено в том, что развитие природы — это только фрагмент глобального, или универсального, эволюционного процесса. Попыткой понять все точки соприкосновения эволюции и развития и служит нынешняя *evo-devo-perspective*.

После Дарвина идея эволюции претерпела двойной синтез. Первый синтез — это соединение эволюционного учения Дарвина с генетикой Г. Менделя. Дарвин изучал и описывал внутривидовое разнообразие, его причины были поняты с открытием законов генетики. Второй синтез — это идеи эволюции видов с теорией развития отдельных живых организмов, филогенеза и онтогенеза. Филогенез традиционно осмысливался в концептуальных рамках эволюции (*evo*), а онтогенез — в концептуальных рамках развития, *development* (*devo*). Их соединение и дало *evo-devo-perspective*, называемую также *evolutionary developmental biology* (эволюционная биология развития). Присоединение к этой теории экологического аспекта, который может пониматься и в расширительном, междисциплинарном, а не только узко биологическом смысле, привело к возникновению *eco-evo-devo*-перспективы как стратегии исследований в разных разделах научного знания, получивших импульсы развития от современной биологии [1, с. 123—136]. Присоединение когнитивного аспекта (ведь сама жизнь есть познание) и аспекта теории сложности (живые системы являются показательно, парадигмально сложными) придало этой исследовательской стратегии подлинную междисциплинарность. Эти

интегрирующие теоретические рамки позволяют изучать такие механизмы, как пластичность развития, эпигенетическое наследование, генетическую ассимиляцию, построение экологических ниш и симбиоз форм жизни. Начало исследований по *eco-evo-devo* синтезу датируется 1980-ми годами. И сегодня он еще не завершен, но очевидны значительные перспективы исследовательской работы в этом направлении.

Вслед за понятием «эволюция», расширению подвергается и понятие «экология». Экологическая перспектива в современных научных исследованиях становится не менее важной, чем эволюционная. Именно поэтому *eco* соединяется с *evo-devo*. Экологический подход выходит ныне далеко за пределы своей первоначальной области — биологического знания. Он оказывается перспективным в разных областях естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, в том числе и в медицине. Сегодня говорят об экологии действия (Э. Морен), разума (Г. Бейтсон), жизни, познания и творчества, мысли и слова, идей, коммуникации и управления. Есть основания рассматривать такого рода расширенный экологический подход в качестве инструмента междисциплинарного синтеза знания. Теоретической основой для такого расширения служат понятия: «активная адаптация», «когнитивная (социальная, культурная, экономическая или рыночная) ниша», «коэволюционные ландшафты» и «Umwelt» как жизненный мир организма и мир его смыслов.

В плане теоретической биологии и биомедицины можно говорить не только в привычном смысле о влиянии состояния окружающей среды и потребляемых продуктов питания на наше здоровье, но и об экологии здоровья (здоровой жизни) и экологии управления образом жизни, питания, лечения. Речь идет не только о поддержании гомеостаза, более или менее стабильного функционирования систем своего организма, не только о влиянии своего образа жизни на здоровье семьи и здоровую атмосферу в коллективе, но и о взаимном творении себя и окружающей среды, энантичности человека как живого существа, о коэволюционных ландшафтах как сложных конфигурациях взаимно подогнанных экологических, когнитивных, жизненных ниш.

Станислав Николаевич Глазачев в своих работах не раз совершенно справедливо подчеркивал важность расширенного понимания экологии и развития экологического мышления. Он пишет об экологии в ее социальном и гуманитарном, человеко-мерном содержании и отстаивает, что именно на идеях социальной экологии должно строиться современное образование. «Понятие «экологический» постепенно, медленно, но все же освобождается от биологического смысла, наполняется содержанием всей совокупности отношений человека к природным, культурным и социальным условиям среды. Социальная экология как наука о взаимодействии природных и социальных Социальная экология как наука о взаимодействии природных и социальных систем, включая познание всех уровней организации материи, обретает статус принципа при создании целостной кар-

тины современного мира, объединяя более частные (физическую, биологическую) картины мира. Экологический принцип участвует в экологизации науки, культуры, производства, выступает регулятором отношений общества и природы через экологизацию права, политики, искусства, нравственности. Метафора «экологический» все чаще употребляется в значении целостный, неструктурный, гармоничный и обозначает меру вписанности в Универсум, его динамику» [2, с. 15].

Французский философ Феликс Гваттари призвал нас «научиться мыслить трансверсально» [3, с. 43]. Мыслить трансверсально — значит мыслить поперечно, сквозным образом. А там, где появляются сквозные интенции мысли, совершается выход сначала на метанаучный уровень, а затем, возможно, и к универсальному, к философии. Не помешают здесь и принципы сложного мышления, которые разработал Э. Морен, среди которых и принцип авто-эко-организации, автономии и зависимости живых существ, которые, будучи самоорганизующимися, расходуют свою энергию в окружающей среде, чтобы поддерживать свою автономию, они способны поддерживать свою целостность в изменяющемся гео-экологическом окружении.

В известном смысле сами среды, окружающий мир, в котором обитают и действуют живые организмы и человеческие индивиды, обладает мудростью [4]. То есть всякое живое существо — не обособленная сущность, а сеть его действий. Оно, по сути, не локализовано, а распределено. Понятие «экософия», введенное Феликсом Гваттари, а также глубинная экология, которую развивал Арне Нэсс, лежат в русле развиваемого здесь понимания. Понятие «экософия» — экологическая философия — может встать в концептуальный ряд того видения мира, которое строится на основе современных представлений теории эволюции и самоорганизации сложных систем. Живые организмы, отдельные индивиды и коллективы людей обладают активностью, интенциональностью, избирательным отношением к стимулам, поступающим из окружающей среды. В современной когнитивной науке показывается, что поведенческая интенциональность характерна для живых организмов вообще, для человека добавляется еще интенциональность сознания как основная характеристика сознания с точки зрения философов-феноменологов. «Ножницы восприятия» живого существа, как говорил Анри Бергсон, «вырезают» из всего разнообразия и великолепия окружающей среды только, что имеет смысл и значимо для его жизни и активности. Поэтому разные живые существа живут в разных мирах восприятия и действия и могут не понимать друг друга. Говорят о когнитивной замкнутости миров живых существ. Степень избирательности повышается с увеличением сложности живых существ, а для человека — с развитием его личности, для сетей коллективного разума — с их ростом и развитием и появлением узлов разного ранга.

Однако если утверждать, что сама среда активна, что она предоставляет возможности для деятельности жи-

вых организмов как когнитивных агентов и людей как биосоциальных субъектов или, — это уже не столь очевидно. Вообще говоря, кое-что в этом отношении можно усмотреть уже у Аристотеля, в его представлении об активности формы и финализме. Именно форма делает вещь вещью, именно целевая причина (то, ради чего) определяет место вещи в природе или в структуре деятельности человека. Взаимная активность форм, создающих слаженный мир, определяет целесообразное и оптимальное его устройство и то, что ничего не делается в нем напрасно.

В XX веке это нашло выражение в экологической теории восприятия Дж. Гибсона. Он вводит понятие предоставления («affordance»). У. Найссер разъясняет представление Дж. Гибсона о предоставлении возможностей следующим образом: «Пол позволяет ходить по нему, ручка дает возможность писать и т.д. ... Предоставление объектом возможности — или, иначе, его значение — зависит от того, кто его воспринимает. Каждый естественный объект может иметь огромное множество способов употребления и потенциальных значений, и каждый световой поток специфицирует бесконечное множество возможных свойств. Воспринимающий делает выбор из этих свойств и предоставлений благодаря специфической готовности к восприятию некоторых из них» [5, с. 92]. Ручка предоставляет возможность, чтобы ей писать; бумага предоставляет возможность, чтобы написанное ручкой было нам заметно; стол, на котором лежит бумага, предоставляет нам возможность, пахта в ручке свободно стекала, а написанные буквы были для нас различимы. Чем вам не мир активных форм и взаимных целесообразностей Аристотеля? Не только среда строится от восприятия и действия познающего организма, но и сама среда активна, она предоставляет возможности, которые могут быть восприняты или не восприняты когнитивным агентом. С современной точки зрения речь может идти только о квазицелесообразности и квазителеологии, поскольку они обусловлены природой самой природы, а не присутствием некоего существа, скажем, философски понимаемого бога как у Аристотеля.

Разъясняя концепцию телесности познания (embodied cognition) в одной из своих работ я писала, что живое существо воспринимает и познает мир, не только мозгом, но и всем телом: он познает, действуя [6]. Все тело, поэтому, можно назвать «мыслящим», познающим. В данном случае петля взаимной обусловленности выходит за пределы философской дихотомии сознание — тело (mind-body problem) и распространяется на живой организм и среду его активности как когнитивного агента или человека как культурного и социального актора. Освоенный живым организмом и имеющий для него значимость фрагмент природной среды, смысловой срез природы — это его Umwelt. Эту среду можно назвать мудрой, хотя и в метафорическом смысле, поскольку а) эта среда активна и несет на себе печать активности живого существа, б) нередко невозможно провести четкую границу между тем, где кончается тело живого существа, а где на-

чинается среда его активности, в) среда запечатлевает следы активности живого организма, поэтому имеет память, по когнитивным картам среды живое существо строит свою будущую активность, г) живое организм и среда его активности составляют процессуальное единство (против декартовской дихотомии тела и сознания), д) в биологическом плане организм и среда проделали навстречу друг другу длинный путь коэволюции, взаимно адаптировались друг к другу. Представление о мудрости среды отвечает современной концепции расширенного ума (extended mind) в когнитивной науке. Основной тезис этой концепции заключается в том, что когнитивный процесс, который строит психику живого организма или ум человека, выходит за пределы индивида и включает соответствующие аспекты индивидуально окрашенной природной или/и социокультурной окружающей среды. Рациональность поведения живого существа, мудрость и разум человека разлиты в продуктах его деятельности, в значимом для него малом мире (small world).

Одним из важнейших выводов из развития расширенного экологического подхода является тот, что экологический подход является холистическим, целостным, интегрированным, а холистическое мышление, соответственно, холистическим мышлением. Давая определение экологической культуре, С.Н. Глазачев вместе со своими соавторами выделяет в качестве ключевого понятие «целостность»: «В указанном определении ключевое понятие — «целостность». Целостность с позиций эколога есть ненарушенность взаимосвязей в системе, их устойчивость» [7, с. 11].

Экософия Феликса Гваттари

Для понимания биологических основ происхождения смысла существенным оказывается введенное Ф. Гваттари понятие «экософия». «Экософия» в буквальном смысле означает мудрость непосредственного окружения, естественной среды обитания, домашних условий жизни. Гваттари поясняет, что корень «есо» в слове «экософия» используется в своем оригинальном древнегреческом смысле «oikos» — «дом», «домашняя обстановка», «естественная среда» (др.-греч. *oikos* — обиталище, жилище, помещение, жилье; дом, комната, покой). Экологический подход с точки зрения Гваттари имеет три уровня, или регистра: уровень окружающей среды (энвайронменталистский), уровень социальных отношений и уровень человеческой субъективности [3, с. 28]. Мы — в мире и мир — в нас, причем, в первую очередь, наш микро-социум, наше непосредственное окружение, наша природная, социальная и культурная среда, та, в которой мы живем. Мы — одновременно и творящие, и творимые, так как мы создаем наше окружение, наш экологический дом и в то же время постоянно создаваемы им, испытываем на себе его воздействие, которое нас преобразует. Мир открывается для нас в определенном своем аспекте, разрезе, в определенных смыслах, и мы черпаем из него, «вырезаем» только доступную и имеющую для

нас значимость часть, его фрагмент. Мы одновременно и открыты и закрыты миру, то есть операционально замкнуты. Открытость миру позволяет нам развиваться, а замкнутость — поддерживать свою личностную идентичность, свое Я, не размываться в окружении. Эта наша замкнутость является когнитивной (перцептивной и ментальной) и одновременно семантической замкнутостью: мы живем в открывающейся нам смысловой реальности, и эти смыслы строят нас самих.

Таким образом, по Гваттари, окружающая среда влияет на нас в трех взаимосвязанных отношениях:

- 1) энвайроменталистском, прежде всего, как природная среда,
- 2) социальном (как среда социальных связей и социальных действий) и
- 3) индивидуально-личностном, как поле для индивидуализации, развития личности, развертывания собственной креативности.

Именно в этом последнем смысле Грегори Бейтсон говорил об экологии идей и разума. Внеся заметный вклад в разработку своего рода кибернетической психологии Бейтсон ввел представление о «двойной связи» («double bind» — англ.) — нелинейной циклической причинности, неоднозначности и ретроактивности отношения, устанавливающегося между индивидуальным разумом и средой его активности и коммуникации, другими индивидами. В таком случае индивидуальный разум выходит за пределы своей телесной определенности и растворяется в его экологическом окружении, в сетях коллективного разума. «Индивидуальный разум имманентен, но не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела. Также есть большой Разум, в котором индивидуальный разум — только подсистема» [8, с. 426].

Не только человек в его социальных и индивидуальных действиях активен, но и от самой окружающей среды проистекает активность. Не только мы, но и среда нас строит, учит и создает. Она является мудрой в том смысле, что обладает определенным сопротивлением, является отчасти ригидной, даже «своенравной», поскольку принимает отнюдь не любое наше когнитивное или практическое действие, а отчасти гибкой, поскольку «зеркалит» и подстраивается под те наши действия, которые природно эволюционно и культурно исторически определены и отлажены. В этом смысле введенное Гваттари понятие экософии сопрягается и с понятием Umwelt Я. фон Икслюа, и с понятием энактивности познания Ф. Варелы.

Umwelt, по Икслюа, — это мир смыслов. В этом понятии подчеркивается субъективность и смысловая определенность мира живого существа. Субъектами восприятия и действия Икслюа называет и животных, не только человека. Икслюа вложил в это понятие ряд оригинальных смыслов [9], которые соотносимы с концептом экософии Гваттари, а именно:

а) сопряженность активного восприятия с активным действием: живые существа создают окружающий их мир на свою пользу и свои нужды, прилаживая его под себя, его воспринимая;

б) циклы прямой и обратной связи живого организма и окружающей его среды (функциональные круги);

в) селективность (избирательность) восприятия и действия: только определенный фрагмент (срез) внешнего мира схватывается через органы чувств животного, преобразуется в его нервные импульсы и стимулирует его психомоторную активность; не все, но только немногие раздражители из внешнего мира важны для жизни организма;

г) излечение/порождение смыслов: Umwelt — это то, что значимо и несет смысл для живого организма в отличие от окружающей среды (environment); для всего живого действительность открывается как смысловая;

д) подвижная, динамическая граница между внешним и внутренним: граница между организмом и его Umwelt трудно уловима. Живое существо втягивает мир в себя, превращает внешнее во внутреннее, а себя распределяет, «распыляет» в окружении. Паутина, произведенная пауком, в известном смысле является частью его самого; е) интерактивное единство живого существа и его Umwelt: объективный внешний мир и субъективный внутренний мир находятся в отношении взаимной детерминации. Живое существо — отчасти вне себя, в своих действиях и в их продуктах (бобер в построенной им платине, ласточка в слепленном ею гнезде), а значимая часть внешнего мира вовлечена в их действия, встроена в их собственную природу, поставлена им на службу.

Обсуждая учение об Umwelt Икслюа в своей совместной книге с Делезом, Гваттари называет его «концепцией мелодической, полифонической, контрапунктической Природы» [10, с. 215]. Они подчеркивают тонкую игру взаимного оттолкновения и притяжения, обособления и растворения малого мира отдельного живого существа в большой Вселенной. Концепция Икслюа, как подчеркивают Делез и Гваттари, является не финалистской в духе Аристотеля, а мелодической. Среда живого организма, его малый эко-мир, его Umwelt, его «территория не просто отграничивает и соединяет, она еще и открывается космическим силам, поднимающимся изнутри или приходящим извне, и делает ощутимым их воздействие на обитателя». Внешние силы и воздействия большого космического мира, всей Вселенной «покорно сортируются территорией, и лишь самые благодетельные из них допускаются в дом; то они бросают таинственный клич, который исторгает обитателя из своей территории и необоримо увлекает его в путешествие..., то они злобно набрасываются на территорию и ниспровергают ее, восстанавливая хаос, из которого она едва-едва возникла. В любом случае, если природа подобна искусству, то именно тем, что на все лады сопрягает эти два живых элемента — Дом и Вселенную, Heimlich и Unheimlich, территорию и детерриториализацию, конечные мелодические составные целые и великий бесконечный план композиции, малую и большую ритуальную» [10, с. 216—217].

Новая экософическая логика, открываемая Гваттари в самой природе, позволяет понять не только ма-

ые эко-миры живых существ, но и способы их перестраивания благодаря прохождению через сингулярности, вторжению случайностей, что позволяет открывать новые смыслы, достраивать и преобразовывать собственные территории. Эко-миры обладают гибкостью, способны быть чувствительны к случайностям, которые «внезапно заставляют первоначальный проект бифуркировать, заставляют его отклониться далеко от первоначального русла» [3, с. 52]. Прохождение через точки сингулярности, надломы, катастрофы перестраивает мир человека, открывает ему новые смыслы. Гибкость индивидуальных эко-миров (сложных систем живых существ) — неограниченный потенциал к их изменению.

Экологический подход как расширенный: его распространение далеко за пределы биологии

Что касается экологического подхода, то он в своем обсуждаемом в настоящей статье расширенном варианте, олицетворяет собой эффективный междисциплинарный инструмент познания. Ведь экологию можно понимать в узком и широком смыслах слова. В узком и традиционном смысле слова экология изучает проблемы коэволюции природы и человечества, проблемы сохранения природного разнообразия на нашей планете, охраны живой природы. В широком смысле этого слова можно говорить об экологии человеческого разума, идей, экологии познания и творчества, экологии мысли и слова, экологии человеческого действия и управляющего воздействия на сложные системы. Расширенный экологический подход является одним из наиболее демонстративных примеров того, как реально работает междисциплинарность в практике научного исследования и индивидуального и социального действия.

Экология познания. Экологический подход к познанию (экология познания) означает, что всякий познавательный акт рассматривается как ситуационно обусловленный. Всякая когнитивная система встроена, укоренена (*cognition is embedded*) как внутренне — в обеспечивающем ее деятельности материальном нейронном субстрате, так внешне — включена во внешнее ситуативное физическое и социо-культурное окружение, в когнитивные и социальные сети. Когнитивный акт расширяется в некую ситуацию, обладающую определенными топологическими свойствами. Понятие ситуационности познания является частью концепции телесности и энактивности познания, начало которой положил Ф. Варела в своей книге с Э. Томпсом и Э. Рош «Воплощенный разум» (1991) [11].

Невозможно понять познание, если абстрагироваться от живого организма, который всегда включен в определенную ситуацию, имеющую своеобразную конфигурацию, т.е. действует в экологически определенных условиях. Когнитивная психология становится психологией экологической, а равным образом и когнитивная наука, изучающая человеческое сознание (*human mind*)

во всех его проявлениях, становится синергетической (ибо имеет место синергизм организма и среды, их конструктивная обоюдная связь) и экологической (ибо познание определено ситуацией). Теперь можно говорить и об экологии познающего разума — в более широком смысле об экологии когнитивно-го агента, — и об экологических когнитивных нишах. Только правильно, резонансно встроившись в научную среду, в научное сообщество, ученый может раскрыть свой талант, реализовать себя. В противном случае он будет испытывать на себе «давление места», давление со стороны заполненных когнитивных ниш и будет вынужден перестраиваться.

Возникает связь не только между когнитивной наукой и экологией, но и между психологией и экологией. На это обращает внимание Ф. Капра: «Связь между экологией и психологией, выражаемая понятием экологического «я», недавно была исследована несколькими авторами. Специалист по глубокой экологии Джоана Мейси пишет об «озеленении» себя, философ Уорвик Фокс ввел в обиход термин трансперсональная экология, а историк-культуролог Теодор Розак использует понятие экопсихологии для обозначения глубокой связи между двумя этими сферами, которые до недавнего времени были совершенно отдельными» [12, с. 28].

Экология действия. Развивается представление об экологии действия. Экологический подход становится ныне одним из наиболее плодотворных подходов в теории управления и теории принятия решений. Центральным здесь является представление о ситуационности поисковой и конструктивной деятельности человека. Последнее означает, что невозможно понять деятельность человека, в том числе и его управленческую деятельность, т.е. его усилия, направленные на создание социальной организации, поддержание ее функционирования или перестройку этой организации, если абстрагироваться от субъекта управления как живого организма, который включен в определенную ситуацию, имеющую своеобразную конфигурацию, т.е. действующего в экологически определенных условиях. Всякий акт управления расширяется в некую ситуацию, обладающую определенными топологическими свойствами; он осуществляется «здесь и теперь».

Французский социолог и философ Эдгар Морен ввел представление об экологии действия. Неопределенность имманентно вписана в само представление о сложности мира. Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности. Всякое предпринимаемое нами действие определяется условиями окружающей природной и/или социальной среды и может оказаться, что оно отклонится от того направления, которое было ему первоначально задано. «Мы не можем быть уверены в том, что результат действия будет соответствовать нашим намерениям, напротив, мы вправе серьезно сомневаться в этом». Поэтому мы вынуждены отойти от привычной линейной схемы: предпринятое действие →

полученный результат, и признать нелинейность всякого действия, точнее, нелинейность связи этого действия и его результата (последствий). «Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений, — поясняет Морен. — Это действие вливается во вселенную взаимодействий, и в конечном счете поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположное по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим. Это обязывает нас внимательно следить за действием, пытаться его исправить, — если еще не поздно, — а иногда его торпедировать, как это делают ответственные работники НАСА, которые взрывают ракету в том случае, если она отклоняется от заданной траектории» [13, с. 299–300].

Мыслить и действовать интерактивно и оказывать управляющие воздействия адекватно складывающейся ситуации означает, стало быть, понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, от организации, на которую осуществляется управляющее воздействие, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей, допускать определенную долю хаоса, внутренней подвижности и гибкости в складывающейся системе интерактивных связей, а также уметь использовать правила резонансного встраивания в среду для образования единого устойчиво эволюционирующего целого.

Экология коммуникации. Применение экологического подхода к феномену коммуникации, причем не только в человеческом обществе, тоже возможно. В таком случае коммуникация понимается в связи со становлением интерсубъективности. Ключевой принцип, на котором строится экологический подход к коммуникации, заключается в том, что живой организм (живое существо или человек как когнитивный агент) является центром активности мира, он вовлечен в мир телесно, нейронально, перцептуально, интеллектуально, он встраивается в динамику окружающей его среды и преобразует эту среду в соответствии со своими нуждами. Экология коммуникации сопряжена с энактивным построением коммуникативного пространства. В своей деятельности человек строится во взаимодействии с другими индивидами, посредством них и через них. Интерсубъективность вырастает в каждый момент из взаимодействия двух или более субъектов. Томас Фукс и Ханне де Жегер предложили понимать коммуникацию как «партисипационное производство смыслов». Иначе говоря, коммуникация — это «процесс генерирования и трансформации смыслов во взаимной игре между взаимодействующими индивидами, а также и сам этот процесс взаимодействия» [14, с. 466]. Коммуникация и строящаяся на ее основе интерсубъективность — это не просто сотрудничество между взаимодействующими индивидами и координация их ментальной деятельности; ее следует рассматривать в рамках понятий нерепрезентатизма, энактивизма, телесности, вдействия в мир и в друг друга и взаимного отелеснивания (интеркорпоральности).

Мы моделируем верования и намерения других людей, с которыми мы имеем дело, как будто мы находимся в их ситуации. За такой процесс ответственны в мозге так называемые зеркальные нейроны. Прежние концептуальные рамки для понимания коммуникации, в которых отсутствует процессуальная, ситуационная, телесная, интерактивная и энактивная составляющие, ныне подвергаются серьезной критике.

Во-первых, наша ментальность — это не просто внутреннее царство, которое отделено от внутреннего мира других эпистемическим заливом, который мы можем переплыть посредством логических заключений, выводов, проекций. Мы в принципе скрыты друг от друга, поэтому чтобы понять другого или других, мы должны поставить себя на его или их место.

Во-вторых, оценивая действия других и стремясь их понять, мы обычно занимаем позицию «третьего лица», т.е. внешнего наблюдателя. Это недостаточно, мы должны быть встроены в саму ситуацию, в сам процесс: наблюдения со стороны не достаточно, мы должны быть во взаимодействии или даже в действии в друг друга, а это и есть позиция энактивизма.

В-третьих, нам следует избегать картезианской ошибки, что тело есть всего лишь передаточный прибор, напротив необходимо рассматривать взаимные связи телесно воплощенных когнитивных агентов.

В-четвертых, традиционные подходы к социальному познанию недостаточны и подвержены критике, поскольку в них не учитывается, что когнитивные и креативные способности проистекают друг от друга, определенным образом связаны и эволюционируют на протяжении человеческой жизни.

В качестве альтернативного выдвигается энактивистский взгляд. Его существо Фукс и де Жегер характеризуют следующим образом [15, с. 469–470]:

1. Социальное понимание, хотя и интеракционно, т.е. базируется на взаимодействиях между людьми, является индивидуальным делом каждого из нас. Оно строится от автономии каждого и благодаря ей.

2. Коммуникация существенным образом опирается на телесность в самом богатом смысле этого слова, т.е. на динамические действия, которые производят целостные телесно воплощенные и определенным образом телесно организованные индивиды.

3. Намерения индивидов не являются непрозрачными и скрытыми, они выражаются в действиях, поэтому могут быть восприняты и поняты другими.

4. Цели и интенции других людей не являются преданными и статичными, они генерируются и трансформируются в процессе взаимодействия. Социальное познание и социальное действие означает возможность самокорректировки своих действий в зависимости от реакций других и в зависимости от изменяющейся ситуации социального взаимодействия.

Отсюда делается следующий вывод: «Мы понимаем социальное взаимодействие как интерактивный и интеркорпоральный процесс, в который погружены оба

партнера и в котором ведущую роль для понимания играет сам процесс взаимодействия. Короче говоря, социальное познание возникает из телесного социального взаимодействия или, применяя термин Мерло-Понти, из интеркорпоральности. Употребляя это понятие, мы понимаем его в рамках энактивистского подхода, а именно как динамическое сцепление (*dynamical coupling*) и координацию телесных когнитивных агентов» [15, с. 470].

Производство смыслов — это не разовый акт, а процесс. Смыслы со-создаются в процессе взаимодействия партнеров, они открываются все новые и новые по мере развертывания и углубления этого взаимодействия. Производства смыслов в социальном взаимодействии — это процесс с открытым концом, это настоящее приключение, которое подстегивается синергией взаимодействующих личностей.

В процессе коммуникации мы придаем смыслы вещам. Поскольку коммуникация есть активный процесс, то смыслы могут не только использоваться, но и контролироваться или подвергаться изменению. Коммуникация похожа на танец, в котором люди находятся в совместном пространстве, передача информации сопровождается передачей эмоциональных состояний (удивление, сострадание, интерес, отчаяние, разочарование и т.д.). Динамика коммуникации является сложной и нестабильной. Нарушение межличностной симметрии приводит к фазовым переходам.

Экология управления. Центральным для развития расширенного экологического подхода к управлению является представление о ситуационности поисковой, конструктивной, предпринимательской деятельности человека. Последнее означает, что невозможно понять деятельность человека, в том числе и его управленческую деятельность, т.е. его усилия, направленные на создание социальной организации, поддержание ее функционирования или перестройку этой организации, если абстрагироваться от субъекта управления как живого организма, который включен в определенную ситуацию, имеющую своеобразную конфигурацию, т.е. действующего в экологически определенных условиях. Всякий акт управления расширяется в некую ситуацию, обладающую определенными топологическими свойствами; он осуществляется здесь и теперь.

Отношения субъекта управления к своему окружению существенны, между ними устанавливаются нелинейные обратные связи. Так, руководитель предприятия воздействует на своих сотрудников, определяет структуру учреждения, распределение функций и обязанностей между подразделениями и отдельными сотрудниками, оказывает влияние на общий климат, складывающийся в учреждении, но при этом постоянно изменяется и сам, растет вместе со своим учреждением. Хороший руководитель с накоплением опыта управления научается оказывать ненавязчивые, но уместные, пробуждающие воздействия на своих сотрудников, стимулирующие их к творчеству, самореализации, раскрытию их потаенного внутреннего потенциала. Между

ним и его подчиненными устанавливаются конструктивные и интерактивные отношения.

В таком случае имеет место синергия управляющего субъекта и среды, организации, в которой он действует, их конструктивная обоюдная связь и взаимное становление в деятельности. Синергия — в буквальном смысле этого слова согласованное действие энергий управляющего и его подчиненных, со-энергичность — возможна исключительно в сфере их личностного бытия-общения. Субъект управления определенным образом встраивается в среду, в социальную организацию, конструирует свою экологическую нишу. Активен и он, и среда (организация). С одной стороны, субъект управления действует согласно неким сложившимся паттернам, образцам поведения, которые направляют и делают избирательными его управляющие воздействия. А с другой — сама среда, сами управляемые объекты предоставляют возможности, которые могут быть восприняты и реализованы субъектом или оставлены им без внимания, выпасть из сферы приложения его усилий.

Мир сложных социальных систем — это океан потенциалов, бурление различных возможностей. Согласно М. Мерло-Понти, одному из ведущих представителей философской феноменологии, «плоть мира — это кладезь возможностей». Вектор управляющего воздействия субъекта направлен всякий раз только на что-то из предоставленных миром возможностей, он сугубо избирателен, строится сообразно установкам субъекта и предоставляемым ему здесь и сейчас возможностям. Иными словами, субъект управления и среда, на которую направлено его управляющее воздействие, связаны посредством взаимного и ситуативного предоставления возможностей, которое есть подлинная интерактивность и синергия акта управления.

Таким образом, теория социального управления становится экологической (ибо управляющие воздействия определены ситуацией, должны быть определенным образом встроены в среду). Мыслить и действовать интерактивно и оказывать управляющие воздействия адекватно складывающейся ситуации означает, стало быть, понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, от организации, на которую осуществляется управляющее воздействие, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей, допускать определенную долю хаоса, внутренней подвижности и гибкости в складывающейся системе интерактивных связей, а также уметь использовать правила резонансного встраивания в среду для образования единого устойчиво эволюционирующего целого.

Для развертывания эффективной управленческой деятельности в современном сложном и глобализованном мире, для надлежащего встраивания человека в коэволюционные процессы нужно уметь мыслить глобально и действовать активно и интерактивно, адекватно ситуации, быть в синергизме со средой, с управляемой организацией или предприятием, созидать подобающий как своим собственным познавательным и конструктив-

ным возможностям, так и внутренним неявным тенденциям среды когерентный, взаимно согласованный мир. Конструктивная и творческая позиция современного менеджера призвана определяться возможностью преднамеренного резонансного возбуждения сложных структур в соответствующих нелинейных средах и системах, тех структур, которые отвечают метастабильно устойчивым собственным формам организации этих сред.

Экология педагогического воздействия. В рамках расширенного экологического подхода процедура обучения, способ связи обучающего и обучаемого, учителя и ученика предстает как их взаимная циклическая детерминация и их взаимное конструирование, становление и развитие. Обучение — это не передача знаний как эстафетной палочки от одного человека к другому, но создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самим обучающимся, его активное и продуктивное творчество. Это нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, солидаристического образовательного приключения, попадания — в результате разрешения проблемных ситуаций — в один и тот же, самосогласованный темпомир. Последнее означает, что благодаря совместной активности в такого рода ситуации учитель и ученик начинают функционировать с одной скоростью, жить в одном темпе. Учитель непросто задает вопросы, на которые заранее знает ответ, хотя это и имеет место на начальных стадиях обучения. Он ставит проблемы так, чтобы начать совместное исследование, чтобы ученик удивился тайнам бытия, понял неисчерпаемость познания мира и приобрел не столько «знаю что», сколько «знаю как» (know how).

Обучение становится интерактивным. Не только учитель учит ученика, но и ученик учит учителя, они становятся кооперирующими друг с другом сотрудниками, они находятся в синергичной связке. Учитель должен научиться видеть, что скрывается за учеником и научиться понимать его. В процессе обучения незнающий превращается в знающего, а при этом изменяется

и сам учитель, подобно тому, как в процессе психотерапии больной превращается в здорового, или хотя бы в выздоравливающего, но вместе с тем и сам доктор претерпевает изменения, испытывая свое душевное равновесие и в большинстве случаев его укрепляя.

Обучение есть не перекалывание знаний, а пробуждение души. Ученик — это не сосуд, который должен быть наполнен знаниями, а факел, который должен быть зажжен. И в этом заключается талант педагога. Главная проблема заключается в том, как управлять, не управляя, как малым резонансным воздействием подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для человека путей развития, как обеспечить самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие. Проблема также в том, как преодолевать хаос (неорганизованные и спонтанные устремления обучаемого), его не преодолевая, а делая симпатичным, творческим, превращая его в поле, рождающее искры инноваций. Расширенный экологический подход к образованию заключается в стимулирующем, или пробуждающем, образовании, образовании как открытии себя или сотрудничестве с самим собой и с другими людьми.

По-видимому, существуют определенные конфигурации ситуаций познания, обучения или жизни. Чтобы действовать наиболее эффективно, надо действовать в нужное время и в нужном месте. Речь идет о так называемых резонансных, топологически правильно организованных и своевременных воздействиях, воздействиях здесь и теперь. Результаты их могут быть весьма неожиданными и многообещающими.

В процессе воспитания и развития творческих способностей обучаемого устанавливаются нелинейные обратные связи не только между ним и учителем, между ним и окружающим его миром, но и внутри его собственного духовного и душевного мира. Парадоксально, что трата энергии духа подстегивает ее прирост, истощение своей души до конца в процессе написания произведения — залог того, что и завтра тебе будет что сказать миру и что откроются новые пути в будущее.

Литература

1. Князева Е. Н. *Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований*. М.: Юрайт, 2019.
2. Глазачев С. Н. Ноосферные идеи Вернадского и современное образование. *Вестник МГУ им. М. А. Шолохова. Социально-экологические технологии*. 2012; 2: 9–19.
3. Guattari F. *The Three Ecologies*. London and New Brunswick (NJ): The Athlone Press, 2000.
4. Князева Е. Н. Мудрость среды: идеи Ф. де Соссюра, Ф. Гваттари, Р. Тома в контексте развития биосемиотики. *Философские науки*. 2016; 9: 61–76.
5. Найссер У. *Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии*. М.: Прогресс, 1981.
6. Князева Е. Н., Турбов А. А. *Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии*. *Новый мир*. 2002; 11: 136–154.
7. Глазачев С. Н., Глазачев О. С., Гришаева Ю. М. Экологическая культура как фактор безопасного будущего в информационном обществе. *Вестник международной академии наук (Русская секция)*. 2015; 1: 8–12.
8. Бейтсон Г. *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. М.: Смысл, 2000.
9. Князева Е. Н. Понятие «Umwelt» Я. фон Икссюля и его значимость для современной эпистемологии. *Вопросы философии*. 2015; 5: 30–43.
10. Делез Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009.
11. Князева Е. Н. *Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии*. *Вопросы философии*. 2013; 10: 91–104.
12. Капра Ф. *Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем*. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.
13. Морен Э. *Образование в будущем: семь неотложных задач*. // *Синергетика. Антология / Научный редактор, составитель и автор переводов Е.Н. Князева*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
14. De Jaegher H., Di Paolo E. *Participatory Sense-making. An Enactive Approach to Social Cognition*. *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2007; 6.
15. Fuchs T., Jaegher de H. *Enactive Intersubjectivity: Participatory Sense-making and Mutual Incorporation*. // *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2009; 8: 4–12.

Сведения об авторе:

Князева Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: helena_knyazeva@mail.ru